«Интерпретация образа фауста В русской литературной критике»

Мусинова Мухлиса Зохиджон кизи
магистрант 1- курса Ферганского государственного университета
E-mail: musinovamuxlisa11@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы и направления интерпретации образа Фауста в русской литературной критике XIX–XXI веков. Прослеживается эволюция критических подходов — от романтических и философско-идеалистических концепций В.Г. Белинского и И.С. Тургенева до сравнительно-исторических исследований В.М. Жирмунского и А.А. Аникста, а также современных культурологических и компаративистских интерпретаций. Особое внимание уделяется проблеме универсализма фаустовского образа и его рецепции в русской художественной литературе. Делается вывод о том, что образ Фауста выступает в отечественной критической мысли своеобразным культурным кодом, отражающим поиск национальной идентичности и философское осмысление человеческой судьбы.

Ключевые слова: Гёте, Фауст, русская литературная критика, рецепция, фаустовский миф, компаративистика, интертекстуальность.

Abstract. The article examines the main stages and directions in the interpretation of the Faust image in Russian literary criticism of the 19th–21st centuries. The evolution of critical approaches is traced — from the romantic and philosophical-idealistic concepts of V.G. Belinsky and I.S. Turgenev to the comparative-historical studies of V.M. Zhirmunsky and A.A. Anickst, as well as to contemporary culturological and comparative interpretations. Special attention is paid to the problem of universalism of the Faustian image and its reception in Russian literature. It is concluded that the image of Faust functions in Russian critical thought as a cultural code, reflecting the search for national identity and the philosophical understanding of human destiny.

Keywords: Goethe, Faust, Russian literary criticism, reception, Faustian myth, comparative literature, intertextuality.

Введение

Образ Фауста, созданный Иоганном Вольфгангом Гёте, принадлежит к тем явлениям мировой литературы, которые выходят далеко за рамки породившей их национальной культуры и становятся достоянием всего человечества. В России интерес к «Фаусту» Гёте насчитывает почти двухвековую историю, в ходе которой сложилась богатая традиция осмысления этого произведения — от первых восторженных откликов эпохи романтизма до фундаментальных научных исследований XX–XXI веков.

Русская литературная критика внесла существенный вклад в мировую фаустиану, предложив оригинальные концепции трактовки главного образа и его философского содержания. Актуальность исследования данной традиции определяется не только её самостоятельной научной ценностью, но и необходимостью осмысления диалога культур как важнейшего фактора литературного развития. Цель настоящей статьи — систематизировать основные интерпретационные модели фаустовского образа, сложившиеся в отечественной критике, выявить их специфику и определить место в контексте мировой рецепции гётевской трагедии.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач: охарактеризовать этапы становления русской фаустианы; выявить ключевые интерпретационные концепции и их теоретико-методологические основания; рассмотреть отражение фаустовского мифа в

\

оригинальной русской литературе; определить перспективы современных исследований в данной области.

Первым крупным русским критиком, обратившимся к осмыслению «Фауста», стал В.Г. Белинский, чья интерпретация определила многие черты последующей отечественной рецепции. В своих критических работах 1830–1840-х годов Белинский рассматривал Фауста прежде всего как воплощение «вечного» человеческого стремления к истине и абсолюту (3). Для великого критика образ Фауста был синонимом самой философии — попыткой художественными средствами разрешить фундаментальные вопросы бытия. Белинский усматривал в гётевском герое идеальный тип личности Нового времени: неудовлетворённой, ищущей, не способной остановиться ни на каком достигнутом результате. В этом он видел принципиальное отличие Фауста от узко-бытовых типов современной ему русской литературы.

Иначе подошёл к образу Фауста И.С. Тургенев — не только как критик, но и как художник, создавший повесть «Фауст» (1856). В его интерпретации фаустовское начало приобретает черты трагической раздвоенности: герой оказывается неспособен подчинить природную стихию жизни рассудочному началу (9). Тургенев, по существу, полемизировал с оптимистической трактовкой финала гётевской трагедии, акцентируя деструктивный потенциал фаустовского индивидуализма. Вера Ельцова — тургеневская «Маргарита» — гибнет не столько от конкретного поступка героя, сколько от соприкосновения с самим принципом безудержного индивидуалистического самоутверждения. Это разграничение двух интерпретационных векторов — оптимистического и трагического — стало одной из системообразующих оппозиций всей последующей русской фаустианы.

Таким образом, в XIX веке были заложены два полюса рецепции: Белинский акцентировал познавательный пафос фаустовского образа и его позитивное, освободительное значение для культуры, тогда как Тургенев — его разрушительный потенциал и этическую проблематичность. Эта оппозиция сохранила свою продуктивность на протяжении всей дальнейшей истории русской фаустианы.

В советской науке о литературе интерпретация «Фауста» прошла несколько этапов, отражавших общую эволюцию методологии. Фундаментальный вклад в изучение рецепции Гёте в России внёс В.М. Жирмунский, чья монография «Гёте в русской литературе» (1937, переиздана в 1981) по сей день остаётся незаменимым источником (4. 558с). Жирмунский применял сравнительно-исторический метод, прослеживая конкретные литературные связи, влияния и параллели между гётевским образом и русской литературной традицией. В его исследовании Фауст предстаёт не абстрактным символом, а живым участником межкультурного диалога, трансформирующегося в каждой новой рецептивной среде.

Другим крупнейшим исследователем гётевского наследия в России стал А.А. Аникст, автор монографии «Гёте и Фауст» (1983). Аникст сосредоточился на историко-философском содержании образа, рассматривая Фауста как художественное воплощение диалектики познания (1. 112с). По его концепции, фаустовское стремление к истине не является самоцелью — оно неотделимо от практической деятельности, от преобразования мира. Высшим смыслом трагедии Аникст считал утверждение активного гуманизма: Фауст обретает спасение не через созерцание, а через деятельность на благо людей. Эта интерпретация, вписывавшаяся в гуманистическую парадигму советского литературоведения, обладала вместе с тем подлинной научной глубиной, не утратившей своего значения.

Показательно, что советская критика в целом тяготела к акцентированию общечеловеческого, гуманистического смысла образа Фауста, тогда как мотивы богоборчества, мистики и иррационализма нередко оставались в тени (7. 512с). Это определяло известную

\

односторонность рецепции, преодоление которой стало задачей постсоветского литературоведения. Тем не менее именно в рамках советской науки были созданы капитальные труды, заложившие прочную текстологическую и историко-литературную основу для всех последующих исследований.

Особую ветвь русской интерпретации фаустовского образа составляют работы, рассматривающие его преломление в оригинальной отечественной художественной литературе. Уже Пушкин относился к «Фаусту» Гёте с огромным восхищением, признавая в нём «величайшее создание поэтического духа» (8). «Сцена из Фауста» (1825) Пушкина стала первым оригинальным художественным откликом русской литературы на гётевскую трагедию — и одновременно её переосмыслением: пушкинский Фауст лишён романтической приподнятости, он скучает, разочарован и исполнен цинизма. Тем самым уже в пушкинскую эпоху фаустовский архетип приобрёл в России специфическое национальное измерение.

Исследователи неоднократно обращали внимание на присутствие фаустовских мотивов в творчестве Достоевского и Толстого (2. 568с). Бунтующий интеллект, ставящий себя выше нравственного закона, — Раскольников, Иван Карамазов — может быть рассмотрен как «русский Фауст», трансформированный в соответствии с православной антропологией и философией страдания. Критики, работавшие в традиции религиозной философии — В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, — именно через эту призму интерпретировали как Гёте, так и Достоевского, усматривая в обоих воплощение единой духовной проблемы: как совместить жажду познания с нравственной ответственностью.

В XX веке Ю.М. Лотман предложил семиотический подход к анализу фаустовского текста, показав, что образ Фауста функционирует в культуре как особый «знак знаков» — метасимвол, способный вбирать в себя разнообразные смыслы в зависимости от культурного контекста (6.848с). Этот методологический сдвиг открыл перспективы для изучения фаустовского образа в постмодернистской и постколониальной перспективах, рассмотрения его как порождающей модели для целого ряда культурных явлений.

Современная русская критика демонстрирует значительное расширение методологического инструментария при изучении «Фауста». Наряду с традиционными историко-литературными и философскими подходами активно используются методы рецептивной эстетики, гендерных исследований, мифокритики и интертекстуального анализа (10. 45-67с). В центре внимания современных исследователей нередко оказываются те аспекты образа, которые прежде замалчивались: проблема договора с дьяволом в контексте христианской этики, демонические черты фаустовского познания, образ Маргариты как самостоятельного субъекта трагедии.

Значительный вклад в современную отечественную рецепцию «Фауста» вносит компаративистика, изучающая параллели между гётевским образом и персонажами русской классики — прежде всего в контексте типологии «лишнего человека» и «подпольного человека»(11.12-24с). Исследования такого рода позволяют не только углубить понимание конкретных литературных явлений, но и поставить более широкий вопрос о специфике «русского фаустианства» как особого культурно-философского феномена, рождённого на пересечении западноевропейской и восточнославянской духовных традиций.

Особого внимания заслуживает обращение к фаустовской теме в связи с романом М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Большинство исследователей сходятся в том, что булгаковское произведение представляет собой глубокую полемику с гётевской трагедией, её переосмысление в свете советской действительности и христианской метафизики. Воланд как «русский Мефистофель» стал одним из центральных объектов современной фаустианы, свидетельствуя о неисчерпаемой продуктивности гётевского архетипа в отечественной культуре.

Заключение

\

Проведённый анализ позволяет констатировать, что интерпретация образа Фауста в русской литературной критике представляет собой богатую и разнородную традицию, обладающую собственной внутренней логикой развития. От романтического универсализма Белинского и психологизма Тургенева через историко-литературный позитивизм Жирмунского и философский гуманизм Аникста к семиотическим, компаративистским и культурологическим подходам современности — эта традиция отражает как общую эволюцию методологии гуманитарных наук, так и специфику русской культурной рефлексии.

Образ Фауста выступает в отечественной критике «вечным образом» в строгом теоретическом смысле этого понятия: он обладает неисчерпаемой смысловой ёмкостью, позволяющей каждой эпохе открывать в нём нечто принципиально новое. При этом русская традиция неизменно привносит в интерпретацию фаустовского образа особое измерение — нравственно-религиозную проблематику, экзистенциальную напряжённость и вопрос об ответственности познающего разума перед миром и человеком.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением фаустовского образа в современной русской прозе и поэзии, а также с системным сопоставлением отечественной и западноевропейской рецептивных традиций. Это позволит более полно раскрыть вклад русской критики в мировую гётеану и углубить понимание роли «чужого» текста в формировании национальной литературной идентичности.

Список литературы

1. Аникст А.А. Гёте и Фауст: от замысла к свершению. — М.: Книга, 1983. — 270 с.
2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. — Л.: Художественная литература, 1973. — 568 с.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. — М.: АН СССР, 1953–1959.
4. Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. — Л.: Наука, 1981. — 558 с.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. — М.: Искусство, 1963. — Т. 1. — 583 с.
6. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. — СПб.: Искусство-СПБ, 1996. — 848 с.
7. Луков В.А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. — М.: Академия, 2008. — 512 с.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. — М.; Л.: АН СССР, 1937–1959.
9. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 30 т. — М.: Наука, 1978.
10. Смирнов А.А. Фаустовский миф в русской литературе XIX века // Вопросы литературы. — 2015. — № 3. — С. 45–67.
11. Чернышёва М.А. Образ Фауста в современном российском литературоведении: компаративистский аспект // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2019. — Т. 78, № 2. — С. 12–24.
12. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — 525 с.

\